

Сквозь щель в приоткрытой двери потянуло живительной прохладой — приморское лето всё же милосерднее материкового. Свежий ветер ворвался в душную комнату, разом выметая застоявшийся зной.

Шэнь Сыюань невольно выдохнул. Вместе со зноем улетучилась и давящая тоска, терзавшая его последние дни.

Разговаривая в эти дни с Да Ню, он успел неплохо разузнать о здешних местах.

Всего в полуконе пути от их глухомани лежал небольшой приморский городок, который местные бесхитростно звали Хайчэном — Морским городом. Именно туда Да Ню каждое утро отправлялся на заработки: гнул спину на пристани, перетаскивая тяжелые корзины со свежим уловом. Каторжный труд, за который платили сущие гроши. И хотя в восторженных рассказах парня Хайчэн представлял чуть ли не величайшим мегаполисом на свете, Шэнь Сыюань сильно подозревал, что весь этот «город» уступил бы размерами какому-нибудь столичному рынку.

Да Ню уже исполнилось двадцать, но он до сих пор оставался бобылем — из-за беспросветной нищеты. О такой роскоши, как свиная рулька, парень не смел мечтать и раз в месяц. Морские гады, что попадались ему на берегу, шли исключительно на продажу, чтобы выручить хоть немного меди на соль да масло.

В детстве Да Ню ютился у бабушки Ню, а встав на ноги и начав зарабатывать, срубил себе избу по соседству. Жилище предназначалось для будущей хозяйки, да только суженой на горизонте не наблюдалось. Зато теперь этот новенький дом самым наглым образом оккупировал один бесстыжий столичный призрак.

К слову, у Да Ню имелась дама сердца — признанная деревенская красавица по имени Хуанли, что означало Иволга. Стоило парню упомянуть возлюбленную, как его простоватое лицо расплывалось в блаженной, глуповатой улыбке. Шэнь Сыюань, впрочем, романтического восторга не разделял: по его авторитетному мнению, девице куда больше подошло бы имя Воробьяха.

Дорога до столицы предстояла неблизкая. Даже если плыть по реке против течения, путь занял бы добрых два месяца — при условии, что найдется безумный капитан, готовый взять его на борт.

Сыюань глубоко вздохнул. Вернуться домой казалось задачей почти невыполнимой.

В этот момент в дверную щель просунулась чумазая детская рожица. Сыюань вздрогнул от неожиданности — малец подобрался совершенно бесшумно.

Секундное замешательство сменилось звонким детским воплем:

— Мама дорогая, ну и урод!

Удары судьбы всегда настигают внезапно.

Сыюань помрачнел, отчего его и без того изувеченное лицо приняло совсем уж зловещий вид.

«Ты подойди поближе и в глаза мне это скажи, паршивец!» — мысленно огрызнулся он.

Мальчишке было от силы лет семь-восемь. На нем висели оборванные обноски, но глаза горели живым, угольным блеском. Сейчас этот сорванец разглядывал незваного гостя со смесью жгучего любопытства и явного отвращения.

— Ты еще кто такой? Чего забыл в доме брата Да Нью? — требовательно выкрикнул он.

«А тебе-то какое дело, мелюзга?»

— Глядите, у него шрам на пол-лица! Точно разбойник!

«Я смотрю, ты сам чернее сажи, а еще смеешь судить о моей внешности?»

— Дедушка! Тетушки! Спасите! В доме у Да Нью прячется злодей! — истошно заголосил малец.

«Эй, эй, потише, недоросль! Давай договоримся по-хорошему!» — запаниковал Сыюань.

Но было поздно. На крики застрельщика, точно грибы после дождя, начали стягиваться другие сорванцы. Ростом они не вышли, зато голосили так, что закладывало уши. За считанные минуты у порога образовалась целая банда мелких карапузов, намертво перекрывших Сыюаню выход наружу.

Сыюань только беззвучно хватал ртом воздух. Прорываться с боем сквозь заграждение из младенцев казалось верхом глупости.

«Да что с вами не так? Разве уродство — это преступление? Что за взгляды? На шрамы теперь нужно разрешение от властей получать? И с каких это пор увечья стали клеймом злодея? Если следовать вашей логике, то мерзавцу Шэнь Чжихэ лицо нужно не просто исполосовать, а превратить в кровавое месиво, чтобы хоть немного отразить его гнилую суть!»

Детское озорство мигом сменилось недетской настороженностью. Старый деревенский староста всегда твердил: чужак на пороге — жди беды.

Вскоре на детский гвалт подтянулись и взрослые. Поскольку трудоспособные мужчины ушли в

море или трудились на верфях, у дома Да Ню собрались в основном женщины. И взгляды, которыми они наградили Сыюаня, не сулили ничего хорошего.

Пожалуй, юноше стоило радоваться отсутствию мужской половины деревни. Будь они здесь, его бы давно выволокли за шиворот и хорошенько поколотили, не утруждая себя расспросами.

— Это еще кто? — доносился из толпы неприязненный шепот. — Что он делает у Да Ню? Уж не вор ли?

— Надо кликнуть бабушку Ню. Может, она знает этого заморыша?

— Да вы гляньте на его рожу! С таким шрамом приличные люди не ходят, сразу видать — душегуб!

Сыюань невольно коснулся пальцами правого виска. Раньше его появление вызывало у людей вздохи восхищения, теперь же — лишь содрогание и ужас. На самом деле, когда сошли багровые корки, лицо его изрядно очистилось, но неизбалованные эстетикой крестьянки судили строго. Увы, здешние женщины оказались на редкость предвзятыми.

Толпа гудела, как растревоженный улей. Женщины брезгливо кривились при виде уродливого юноши, но расходиться не спешили — любопытство брало верх. Они словно позабыли о палящем полуденном солнце и соленых каплях пота, застилавших глаза. Появление чужака стало главным событием недели, разом развеявшим серую скуку их будней.

Спустя некоторое время явился староста. Шэнь Сыюань впервые лицезрел этого человека, которого Да Ню превозносил как образец мудрости и проницательности. Заодно юноша подивился числу местных жителей: обычно в полуденный зной улицы вымирали, но сейчас здесь собралась едва ли не вся деревня.

Староста оказался сухопарым стариком с аккуратной седой бородкой. Несмотря на преклонный возраст, взгляд его оставался цепким и острым, хотя и отличался от взгляда божественного лекаря Чжана. Сыюань не мог подобрать точных слов, но в лекаре Чжане сквозило какое-то вселенское великодушие, коего староста был напрочь лишен.

— Что ты забыл в доме Да Ню, парень? — без обиняков спросил старик.

Разговоры в толпе мигом стихли. Все затаили дыхание, ожидая ответа.

Сыюань лихорадочно соображал, что сказать.

Признаться, что прижился тут на даровых хлебах, пока раны затягивались? Выставят в шею в ту же секунду.

Сказать, что заблудился? Слишком неправдоподобно для этих глухих мест.

Обмолвиться, что спасался от морских разбойников? Перепуганные крестьяне сами свяжут его и бросят в море от греха подальше.

— Судно их в шторм попало. Парень чудом выжил, а Да Нью его на берегу подобрал, — внезапно раздался из-за спин скрипучий, но уверенный старческий голос.

Толпа расступилась, пропуская сгорбленную старушку с узловатой деревянной клюкой. Ее опаленная солнцем кожа потемнела и покрылась глубокими морщинами, но когда она беззубо улыбнулась Сыюаню, у него на душе потеплело. В этой улыбке не было ни капли страха или неприязни, словно перед ней стоял не изувеченный незнакомец, а родной внук.

Сыюань сразу понял, кто это. Бабушка Нью. Она жила неподалеку и когда-то давно подобрала и выходила маленького Да Нью. Ей перевалило за шестьдесят, но для своего возраста она казалась на удивление крепкой. Судя по рассказам названного брата, старушка отличалась редкой добротой.

Но почему она решила солгать ради него, человека, которого видит впервые в жизни?

Крестьяне притихли. Шторм на море для рыбаков — тема болезненная. Каждый год пучина забирала кого-то из односельчан, уходивших на промысел.

Однако не успела толпа проникнуться сочувствием к выжившему бедолаге, как тишину нарушил звонкий, певучий голосок:

— Закон есть закон. Чужакам в нашей деревне не место.

Сыюань повернулся на звук. Перед ним стояла молодая девица.

Судя по прическе, еще незамужняя. На фоне припорошенных пылью деревенских баб она смотрелась настоящей павой: и платье поновее, и осанка поважнее. «Лицом — ничего особенного, обычная деваха», — мысленно вынес вердикт бывший столичный франт.

Сверившись с мысленным описанием Да Нью, Сыюань догадался, что перед ним та самая хваленая Хуанли. И при взгляде на нее внутри у него шевельнулось глухое раздражение. Дело было не в ее посредственной внешности и не в простом происхождении. От девицы веяло чем-то до боли знакомым... чем-то, что так сильно напоминало его мачеху, Ли Сянлань.

Это неуловимое сходство породило в душе Шэнь Сыюаня такое отторжение, что Хуанли стала ему глубоко неприятна с первой же секунды.

Встретившись с ним взглядом, Хуанли демонстративно воротила нос.

«Ишь, фифа выискалась! — Сьюань зло провёл языком по зубам. — Была бы ты в столице в прежние времена, тебе бы даже не позволили мои сапоги чистить!»

Конечно, и в прошлой жизни его частенько презирали за безделье и гулянки, но никто никогда не осмеливался выказывать это в лицо. А здесь... Простая деревенщина резала правду-матку без всякого стеснения, и это изрядно кололо самолюбие.

— Судя по всему, этот человек живет у брата Да Ню уже не первый день, — сладко заговорила Хуанли, заискивающе глядя на старуху. — Бабушка Ню, раз уж вы знали об этом, следовало сразу предупредить общину.

В ее голосе сквозили капризные, девичьи нотки, но эффект оказался мгновенным: жалость крестьян как ветром сдуло. Девушка смотрела на своего ровесника без тени сострадания. За ее напускным дружелюбием скрывалась холодная, расчетливая враждебность.

«Да уж, личико у тебя куда приличнее, чем гнилое нутро», — подумал Сьюань.

Пара фраз — и Хуанли настроила всю деревню против него. А ведь староста не зря пугал людей историями о том, как пришлые навлекают проклятия на мирные селения.

Старик-староста подошел ближе и осторожно поддержал бабушку Ню под локоть. Ситуация складывалась щекотливая. Бабушка Ню была старейшей и, пожалуй, самой уважаемой женщиной в деревне, чьему уму и житейской мудрости доверяли все без исключения. И сейчас она явно пыталась выгородить этого сомнительного мальчишку.

— Свояченица Ню, при всем уважении... Закон нарушать негоже, — нерешительно произнес староста.

Толпа тут же согласно загудела:

— Верно староста говорит, тетушка Ню!

— В нашей деревне чужакам селиться не положено! Разве только девку кто замуж возьмет...

— Ха! Так пусть Да Ню на этом задохлике и женится, делов-то! — выкрикнул кто-то из баб.

Окружающие разразились дружным хохотом. Ребятишки, не поняв шутки, тоже весело запрыгали.

Сыюань смущенно потер нос. Какая умница додумалась до столь «блестящего» предложения?

Бабушка Нью мягко похлопала старосту по плечу и обратилась к притихшей толпе. Голос ее звучал негромко, но властно:

— Правила есть правила, нарушать их никто не станет. Парень в деревне не останется. А теперь ступайте по домам. Ишь, раскудахтались на самом солнцепеке, головы напечет.

Бабы примолкли, удивленные тем, как легко сдалась старуха. Впрочем, раз чужак уходит и беда общине не грозит, спорить никто не решился.

Староста облегченно вздохнул. На том и порешили. Он самолично разогнал зевак, а матери увели расшалившуюся детвору в прохладу хижин.

Хуанли плелась в самом хвосте процессии. Перед тем как скрыться за углом, она одарила Сыюаня долгим, тяжелым взглядом.

Когда улица опустела, бабушка Нью, тяжело опираясь на клюку, вошла в дом Да Нью. Пристыженный Сыюань поплелся следом. Он-то наивно полагал, что старушка начнет убеждать старосту сделать исключение, а она взяла и сама указала ему на дверь.

Старуха остановилась посреди комнаты, повернулась к нему и негромко произнесла:

— Надо же... Кто бы мог подумать, что морские разбойники ищут такого сопляка.

Сыюань замер как вкопанный.

Он во все глаза уставился на пожилую женщину. Вся его былая уверенность рассыпалась в прах. Столько взрослых людей только что глядели на него в упор и ничего не заподозрили, а она раскусила его в одно мгновение.

Она его узнала!

Неужели Да Нью проболтался?

— Эх, милоч, я на своем веку соли съела больше, чем ты риса, — усмехнулась старушка, словно прочитав его мысли. — В деревне тебе оставаться нельзя. Но у западной окраины есть старая заброшенная развалюха, там даже крыши нет. Иди пока туда, перебьешься как-нибудь. А как устроишься на работу да поднакопишь денег — починишь крышу, обустроишься, и тогда уж никто тебя гнать не посмеет.

С этими словами она принялась неспешно прибирать раскиданные по комнате вещи Да Ню. Движения ее казались неторопливыми, но дело спорилось на удивление быстро.

— Человек рождается с руками и ногами не для того, чтобы сидеть на чужой шее да даром хлеб есть, — ласково, но твердо добавила она.

Сыюань вспыхнул до корней волос. Горло перехватило, он не мог выдавить ни единого слова от жгучего стыда.

Его вежливо, но бесповоротно выставляли вон. И самое ужасное — он не имел ни малейшего права возразить. Старушка была абсолютно права. Он прожил в доме Да Ню столько дней, без зазрения совести пользуясь гостеприимством простодушного парня...

Сыюань мысленно обругал себя последними словами. Как есть бесстыдник!

Но бабушка Ню сделала это ради своего внука. Она защищала Да Ню от лишних ртов и возможных неприятностей с законом.

— Спасибо вам, бабушка, — тихо произнес юноша и низко, с искренним почтением поклонился.

В этой новой жизни он кланялся кому-то впервые. И этот поклон шел от самого сердца.

Спасибо за то, что уберегла от гнева толпы. Спасибо за то, что вырастила такого замечательного парня, как Да Ню. И спасибо за спасительную ложь перед старостой.

Вечером того же дня Сыюань объявил о своем переезде. Да Ню поначалу горячо протестовал, но после короткого визита к бабушке притих и насупился. Было видно, что парень уже в курсе полуденного разговора.

Глядя на его виноватое лицо, Сыюань почувствовал себя еще хуже. С одной стороны, он мысленно ругал этого глупца: «Ну какой же простофиля! Радоваться надо, что нахлебник съезжает, а он нос повесил!» С другой — в груди разливалось странное, щемящее тепло. И откуда в этом суровом мире взялось столько хороших людей? Почему в столице он их не замечал?

— Прости меня, Да Ню, — тихо сказал Сыюань, когда они вышли на улицу.

Сгустились сумерки. Под мерцающими звездами двое парней шагали по влажному прибрежному песку, неся скромные пожитки Сыюаня. Прохладный бриз приятно охлаждал лицо, располагая к неспешной беседе.

— Да брось ты, Сыюань, — смущенно пробормотал великан, пряча лицо в тени наступающей ночи. — Тебе сейчас трудно, а я... я чем могу, всегда помогу. Ты это... приходите ко мне поесть не забывай, котелок-то всегда на плите.

От этих простых слов у Шэнь Сыюаня защемило сердце. Не зря говорят: кто везет, на том и едут. Он так привык спать на чистой постели и есть чужую стряпню, что начал принимать доброту Да Ню как должное. Если бы не жесткий урок бабушки Ню, он бы еще долго не опомнился от своей сытой лени.

Собственного добра у беглого столичного барина почитай что и не было. Зато деревенские, хоть и выжили его из общины, без помощи не оставили. Кое-кто притащил старое одеяло, кто-то молча оставил у порога связку сушеной рыбы. Да, они кривились от его уродливого шрама, да, ворчали под нос колкости, но в беде не бросили.

Даже неприветливая Хуанли прислала кусок грубой дерюги — бог весть на что она могла пригодиться в дырявой лачуге, но дареному коню в зубы не смотрят. Сыюань мысленно поблагодарил каждого из них.

Они сгрузили вещи в заброшенной мазанке, лишенной не то что дверей и окон, но даже крыши. Напоследок Сыюань договорился с Да Ню, что завтра они вместе отправятся на пристань. Пора было браться за ум, зарабатывать на хлеб и исподволь разузнавать новости о столице.

Когда Да Ню ушел, Сыюань растянулся на земляном полу, устремив взор к усыпанному алмазной крошкой небу.

«Первым делом надо перекрыть крышу, — размышлял он. — Здешние ливни беспощадны, а бегать каждый раз к Да Ню теперь не по чину. Так что медлить нельзя».

Скудных припасов, принесенных сердобольными рыбаками, должно было хватить на первое время. Да Ню упоминал, что на пристани платят каждый вечер. Значит, поднакопив меди, можно будет купить сухой соломы у кого-нибудь из крестьян и залатать дыру над головой.

За этими мыслями он и не заметил, как затеплился рассвет. Розовые лучи раннего солнца заплясали на спутанных волосах юноши. Сыюань открыл глаза, чувствуя себя разбитым — душная приморская ночь превратила его тело в сплошной липкий комок.

Поднявшись, он побрел к кромке воды. Не раздеваясь, шагнул прямо в набегавшую волну. Соленая прохлада мгновенно смыла остатки сна и липкий пот. Освежившись, мокрый до нитки Сыюань зашагал к условленному месту встречи у дома Да Ню. Пока шел, утреннее солнце успело наполовину высушить его нехитрую одежду.

Да Ню уже ждал у дороги. Завидев названного брата, он торопливо шагнул навстречу.

— Сыюань, а ты... унесешь-то поклажу? — Гулливер озабоченно смерил взглядом хрупкую фигуру юноши. — Смотри, как бы хребет не лопнул под мешками.

Сыюань поперхнулся от такой неприкрытой заботы. С трудом сглотнув обиду, он изобразил подобие улыбки, отчего шрам на щеке уродливо натянулся:

— Не хорони меня раньше времени, увалень!

Без лишних слов они зашагали по тропе к городу. Обычный получасовой путь из-за слабости Сыюаня растянулся на добрый час. Когда они наконец добрались до пристани, работа там уже кипела вовсю: звенели цепи, кричали чайки, грузчики сновали по сходням с тюками на плечах.

— Да Нью! Чего плетешься как сонная муха? — к ним размашистым шагом направился мужчина в добротном синем кафтане. Он крепко хлопнул великана по плечу, но стоило его взгляду упасть на Сыюаня, как он нахмурился. — Это еще что за чучело ты с собой притащил? Сдохнет же на первом мешке, доходяга!

Этого человека звали Чжан Ман, и он заправлял всеми грузчиками в порту. Да Нью ходил у него в любимчиках — парень трудился за троих и никогда не отлынивал, поэтому тот относился к нему снисходительно. Однако сегодня исполнительный малый мало того что опоздал, так еще и притащил с собой какого-то... нелепого калеку.

Артельщик пригляделся к парню. Странный малый. Левая половина лица чистая, нежная — прямо девица-красавица, хоть сейчас под венец. Зато правая — сплошное уродство. Багровый шрам пересекал глазницу, превращая некогда благообразный облик в кошмарное видение.

Да Нью виновато почесал затылок и глуповато улыбнулся. Услышав издевательский тон надсмотрщика, он с тревогой покосился на Сыюаня. Тот, однако, стоял с совершенно невозмутимым видом, с любопытством разглядывая снующие лодки и груды рыбы. Да Нью с облегчением выдохнул, решив, что приятель просто привык к подобным оскорблениям.

Привык? Как бы не так!

У Сыюаня в ушах звенело от бешеного гнева, а на шее вздулись тугие синие вены. Ему стоило колоссальных усилий не вцепиться наглецу в глотку. Но здравый смысл вовремя подал голос: куда ему, заморышу, тягаться силой с этим плечистым боровом? Если они и могли в чем-то соревноваться, так это разве что в уродстве!

Шэнь Сыюань мысленно занес обидчика в свой черный список.

«Смейся-смейся, деревенщина. Я этот разговор запомню. Должок за мной не заржавеет».

<http://bllate.org/book/19456/2039124>